

Дворец Чанхэ. Кабинет в боковом павильоне

В кабинете тихо теплился роговый фонарь. Старшая няня принесла чашу с успокаивающим отваром, надеясь уговорить Императорского внука лечь пораньше. Несколько дней назад, когда вернулся уездный князь Ли, Его Величество на семейном пиршестве изволил заметить: раз уж Наньчжу снова в столице, занятия в дворцовой академии можно на пару дней приостановить, чтобы дети отдохнули.

Только-только миновал Новый год, учеба толком не началась, а тут опять отдыхать. Принцы и императорские внуки, которым обычно приходилось вставать до рассвета, ликовали. На людях они, конечно, чинно благодарили государя и восхваляли благодетельного уездного князя, а вот что шептали за глаза — ведал разве что небосвод.

Впрочем, отсутствие уроков не освобождало от науки: младший наставник задал немало домашней работы.

— Ваше Высочество, оторвитесь от занятий, — молвила старшая няня, ставя чашу с отваром. — На дворе давно стемнело, берегите глаза.

Во всем дворце Чанхэ только она и смела подавать голос с подобными советами.

Ли Яннень отложил кисть и попросил няню отправляться на покой — более его обслуживать не требовалось.

Старая служанка пожевала губами, но отговаривать не стала. Императорский внук с малых лет отличался скрытным и твердым нравом. Пока был жив покойный Наследный принц, в ребенке еще теплилась детская непосредственность... А теперь, когда он остался один, если сам не выстоит — кто ему поможет?

Его Величество, разумеется, выделял внука среди прочих, да только сыновей и внуков у государя хватало с избытком.

— Няня, ночь выдалась холодной, смотрите не застудитесь, — тихо произнёс Ли Яннень.

Служанка поклонилась и тихо вышла.

В комнате вновь воцарилась безмолвная тишина. На столе лежал недописанный свиток. Сидя в кресле, Ли Яннень снова поднес кисть к бумаге, но, выведя пару иероглифов, замер.

На душе было беспокойно.

Мысли никак не хотели возвращаться к наукам, а строчки выходили кривыми и бессвязными.

Отложив испорченный лист, Ли Яннйнь невольно вернулся к событиям сегодняшнего дня.

Та тарелка с жареной бараниной...

Дядюшка Наньчжу вовсе его не забыл.

В тот год, когда ему исполнилось десять, глубокая осень в Чжаочжоу совсем не походила на столичную — беспрестанно лили дожди. Он съел кусочек острой курицы из тарелки дядюшки Наньчжу, и его нежное тело не выдержало: мальчик свалился с тяжелейшим недугом.

Собственно, вины дядюшки Наньчжу в том не было.

Он сам выпросил то угощение.

Лежа на постели от сжигающей внутренности боли, он поворачивал голову и видел дядюшку Наньчжу, сидевшего на корточках у изголовья. Сморщив носик, тот выглядел едва ли не несчастнее самого больного.

— Маленький Яннйнь, это всё я виноват! Ну как же я мог так оплошать! Ой-ёй... Очень больно, а?

Дядюшка Наньчжу вытирал со лба мальчика пот. Его движения уступали в сноровке заботливым рукам няни, но десятилетнему Ли Яннйню казалось, будто от этих прикосновений боль отступает.

Засыпая в полузабытьи, он слышал, как Наньчжу шептал служанке:

— Нынче ночью я сам буду дежурить. Вы, няня, ступайте спокойно, я уж точно за Яннйнем присмотрю.

Где видано, чтобы простая служанка слышала от знатного господина уважительное «вы»? Женщина стояла ни жива ни мертва, не смея перечить Маленькому уездному князю. В Чжаочжоу этот юный своенравный баловень делал всё, что душе угодно, — истинная драгоценность княжеского дома!

Сколько Ли Яннйнь помнил себя, он всегда спал один. По ночам в его покое дежурили евнухи или няньки. Но в ту ночь Ли Наньчжу притащил свои перины на кушетку неподалеку от кровати больного и без конца вскакивал, подбегая к мальчику.

— Водички хочешь?

— Сходить по-маленькому не надо?

Бледные щеки маленького Ли Яннзя вспыхнули румянцем, и он смущенно качнул головой:

— Дядюшка, мне не нужно вставать среди ночи.

Наньчжу озадаченно охнул и, только вернувшись на кушетку, сообразил, что выразился слишком грубо. Разве гоже спрашивать о таком у члена императорской фамилии? Неудивительно, что мальчик смутился. Вдруг он терпит из стеснительности?

— Нянянь, если захочешь приподняться ночью — сразу зови дядюшку, не стесняйся!

Из-за полога донесся тихий, робкий голосок:

— Угу.

Забравшись под одеяло, Ли Наньчжу повернулся на бок, лицом к кровати мальчика. Брат уже поведал ему о происшествии в столице: Наследный принц угодил в засаду и погиб.

Эх.

В иное время Ли Наньчжу с удовольствием обсудил бы подобную весть со старшим братом, смакуя подробности, словно сюжет из рыцарского романа — с подпольными интригами, дворцовыми заговорами и борьбой за престол.

Но в тот раз у него не возникло ни малейшего желания сплетничать.

Покойный Наследный принц приходился родителем маленькому Няняню. Бедный ребенок лишился отца...

Десятилетний мальчик потерял родную душу, попал в чужие края, да еще едва не отправился на тот свет из-за кусочка острой курицы...

Поздней ночью молодой буян Ли Наньчжу ворочался на жесткой кушетке, сгорая от стыда и глубокого раскаяния.

И зачем только его рука дернулась положить эту проклятую острую курицу в чашу ребенка?!

Все из-за него!

Мальчик мучился от жестокой боли, но вместо жалоб еще и пытался утешить его самого.

«Ли Наньчжу, ты просто негодяй!»

На следующую ночь Ли Наньчжу подошел к кровати мальчика.

— Нянянь, ложе такое огромное, а в комнате темно... Тебе не страшно?

Маленький Ли Яннень качнул головой — он привык спать один. Но, заметив сокрушенную мину дядюшки, поспешно поправился:

— Немного.

Ли Наньчжу мгновенно просиял:

— Вот и отлично! Ты легай к стене, а дядюшка ляжет с краю и будет тебя охранять. И тебе не страшно, и мне за тобой ухаживать проще!

Ли Яннень заколебался — ведь дядюшка был гэером.

— Ты даже не представляешь, до чего жесткая эта кушетка! — причитал Ли Наньчжу. — Да еще и холодная! У твоего дядюшки поясница чуть не отвалилась, вчера едва на пол не свалился...

Он вовсе не лукавил: боковая кушетка действительно оказалась костоломной.

Слыша это, маленький Ли Яннень послушно подвинулся к стене. Ли Наньчжу мгновенно расстелил постель, заботливо подоткнул одеяло с краев, чтобы не дуло, и забрался внутрь. Но, спохватившись, залез рукой под одеяло мальчика.

— Почему у тебя ноги как ледышки? — насупился Ли Наньчжу.

Ребенок замер.

Ночь стояла поздняя, тревожить слуг ради грелки не хотелось. Недолго думая, Ли Наньчжу откинул свое одеяло и нырнул под постель к Няняню, обняв холодное тельце мальчика. Снова тщательно подоткнув края, он глянул сверху вниз и встретил устремленный на него изумленный взгляд.

Ли Наньчжу беззаботно усмехнулся:

— Дядюшка за тобой присмотрит, ни один призрак на кровать не проберется! Когда я был маленький и спал один в огромной комнате, я всяких страшилок насмотрелся... Призраки ведь любят из-под кровати вылезать! Но если укутаться с головой, никакой злой дух не достанет...

Под его тихое шуршащее бубнение дыхание обоих постепенно выравнилось, погрузив покой в глубокий сон.

В спальнях покоев дворца Чанхэ Ли Яннйнь, облаченный в тонкую нижнюю рубаху, бессознательно подоткнул край своего одеяла. Очнувшись от воспоминаний, он посмотрел на аккуратно заправленные края постели. В памяти всплыло тепло того далекого вечера, когда дядюшка Наньчжу грел ему руки и ноги, рассказывая небылицы.

Чего там только не было: и жуткие призраки, и коварные злодеи, и благородные герои.

Рассказывал дядюшка и о себе: как учитель в академии хвалил его острый ум или как он на конном поле один раскидал четверых соперников в игре в маоцю, да так, что те со слезами молили о пощаде!

Слышал бы эти речи Синь Сы — безжалостно сорвал бы покровы с хозяйского хвастовства.

Маленький уездный князь просто напросто дурачил ребенка!

Учитель действительно хвалил его ум, да только перед этим отчитал за побег с уроков и невыполненные задания. Что же до игры в маоцю, то состязание было двое на четверо, и вторым игроком являлся сам Синь Сы!

Но десятилетний Ли Яннйнь тогда ничего этого не знал. Согреваясь под одеялом, он слушал звонкий голос дядюшки, а бледные щеки наливались румянцем. И в детском сердце искрился чистый восторг:

«Дядюшка Наньчжу такой невероятный...»

Ночь сгустилась.

Во дворе поместья князя Ли Маленький уездный князь только что расправился с горячим котелком хуого. Теперь он вальяжно устроился в кресле-качалке, сохраняя на лице выражение полнейшего умиротворения.

— Эх, вырос маленький Нянянь... Даже научился делать вид, будто мы едва знакомы. А ведь в детстве как мной восхищался! Кто ему постель грел? Кто на коня сажал? Кто лично учил свиные рыла рисовать?

Синь Сы про себя изумился: «Хозяин, с каких пор рисование свиных рыл стало предметом гордости?»

— Да уж, Его Высочество поступил некрасиво, — с самым честным видом поддакнул Синь Сы.
— Ранил сердце нашего хозяина. И ведь всего несколько лет не виделись!

Умиrotворенный Маленький уездный князь мгновенно взвился и сел прямо:

— Ну зачем ты так? Вовсе не в Няняне дело! Он же ещё совсем ребёнок. Подумаешь, был со мной вежлив! Зато когда у меня от острого горло зажгло, он сразу велел лекаря позвать. И до сих пор помнит, что я люблю кисло-сладкое да острое! Ничего он не забыл. Просто не виделись больше четырёх лет, вот и стесняется с непривычки.

Заметив, как Синь Сы послушно и с хитрецей кивает, Ли Наньчжу понял, что слуга намеренно его поддевает. Фыркнув, он откинулся назад и решил не дуться — в конце концов, он ведь великодушный старший.

— Я старше, так что мне и проявлять заботу. Придётся его снова побаловать. Кстати! Те слухи, что я велел пустить... куда они уже дошли?

Увидев лукавую ухмылку слуги, Наньчжу понял: дело приняло любопытный оборот.

Поскольку уездный князь жил под строгим присмотром во дворце, городской гомон не часто долетал до его ушей. Слушать пересказы Синь Сы было скучно — Наньчжу жаждал лично погрузиться в гушу народных сплетен.

— Завтра встану пораньше да пройду по улицам, — лениво потянувшись, проговорил Ли Наньчжу. Пора было ложиться. — Да, и вели нашим людям досконально проверить загородную усадьбу.

Синь Сы мгновенно сбросил улыбку и серьезно поклонился:

— Слушаюсь, хозяин.

Гулять с Императорским внуком — дело опасное. Памятуя о печальной судьбе Покойного Наследного принца, Маленький уездный князь проявлял предельную осмотрительность.

На следующее утро — не то чтобы слишком раннее, где-то около половины девятого — Ли Наньчжу поднялся с постели, умылся и оделся. Чжу Лин приступила к укладке его волос.

В древности самым мучительным делом было именно причёсывание. Одеться он мог и сам, но волосы отросли длиннющие, и за столько лет он так и не научился делать сложные причёски. В Чжаочжоу хватало обычного высокого хвоста, однако в столице подобная простота не прощалась.

— Уложи меня поярче да пышнее, — распорядился Маленький уездный князь.

Чжу Лин улыбнулась:

— Ваше Высочество обычно терпенье теряет с причёсками и украшения не жалуется, а сегодня вдруг такое желание?

— И ничего не странное! — хихикнула Циньцзяо, стоявшая рядом. — Наш княжич просто выходить собрался — вот и хочет, чтобы жители столицы во всей красе узрели статность уездного князя из Чжаочжоу!

Ли Наньчжу усмехнулся и возражать не стал.

В высшем обществе столицы за ним уже закрепились слава избалованного и взбалмошного гордеца. Не помешает добавить к этому образу клеймо богатого и сумасбродного мота среди простолюдинов. Чем ниже планка его репутации, тем свободнее живётся — никаких тебе моральных оков.

Нравы в Чжаочжоу отличались вольностью и процветанием. Даже военное лихолетье конца эпохи Шэнпин мало затронуло те края. Жители любили яркие наряды, а головные уборы щедро украшали нефритом, изумрудами и жемчугом.

Читая исторические хроники, Ли Наньчжу знал, что пик этой свободы пришелся на правление императора Юньи. В те времена летом даже благородные девы носили легкие платья с открытыми плечами и голеньями, обували сандалии и беззаботно купались в реках.

Поистине передовые нравы!

Неудивительно, что император Шэнпин так тосковал по былому величию предков и возлагал огромные надежды на внука, лицом столь похожего на государя Юньи...

Жаль только, Покойного Наследного принца злые люди сжили со света.

— Готово, хозяин, — промолвила Циньцзяо, с искренним восхищением глядя в зеркало. — До

чего же вам идет этот наряд! Пышно, богато, истинно величественно!

«Слуги в хозяина — такие же неучи», — с улыбкой подумала Чжу Лин и мягко поправила подругу:

— Разве можно о человеке говорить «пышно да богато»?

— Тогда наш княжич — точно золото в нефрите и изумрудах! Богаче и представить нельзя!

Слушая перепалку девиц, Ли Наньчжу взглянул в зеркало и замер.

«Вот так павлинье наряды!»

На нем была нижняя рубаха из лунно-белого шелка с мягким перламутровым отливом на воротнике и средний халат царственного пурпурного цвета с узором из гранатовых цветов — подарок невестки. Супруга старшего брата считала, что юношам полагается выглядеть цветуще и зажиточно.

Верхнее одеяло с широкими рукавами было ярко-красного оттенка, тканное золотой нитью. Плотная ткань идеально подходила для ранней весны, а на солнце золотое шитье переливалось, будто речная гладь.

Волосы, убранные наверх под золотой венец, у корней переплетались в мелкие косички, в которые были вплетены изумрудные и нефритовые бусины.

Осмотрев себя в зеркале, Ли Наньчжу чуть не зажмурился от собственного ослепительного вида типичного богача-нувориша.

—... До чего же я богат, — с чувством изрек Маленький уездный князь.

Чжу Лин и Циньцзяо задорно расхохотались. Господин выглядел не просто богатым — его облик излучал ослепительное благородство.

В этот момент в двери поспешно постучал управляющий:

— Хозяин, прибыл Седьмой принц.

— И чего ему надо? — в прекрасном расположении духа отозвался Ли Наньчжу, направляясь в боковой павильон на завтрак.

Уловив тон господина, управляющий сбросил тревожное выражение и степенно доложил:

— Визитной карточки заранее не присылали, экипаж просто встал у ворот. Старый слуга не дерзнул прогнать его.

Как-никак, законный сын Императрицы — с таким спорить себе дороже.

— Явился без предупреждения, — с ухмылкой протянул Ли Наньчжу. Но тут же повеселел: — Ладно, принимай гостя по всем правилам. Скажи, что уездный князь позавтракает и выйдет с ним прогуляться.

Он и так собирался прошвырнуться по городу, послушать сплетни, закупить сладостей, а потом заскочить на обед к внучатому племяннику. А тут сам Седьмой принц пожаловал — считай, бесплатный кошелек и спутник в одном лице!

Управляющий облегченно вздохнул: Маленький уездный князь прекрасно знает меру. Слуга поспешил к воротам, встретил гостя и проводил Седьмого принца в гостиную за чашку чая.

— Уездный князь изволит завтракать. Просим Седьмого принца простить за задержку.

Седьмой принц великодушно взмахнул рукой:

— Я прибыл без предупреждения, так что подождать Наньчжу — дело естественное. У меня более чем достаточно терпения.

Впрочем, Ли Наньчжу не стал заставлять гостя томиться понапрасну и позавтракал в своем обычном темпе. Аппетит у него с детства был отменный — невестка вечно ставила его в пример медлительному Ли Мукэ.

Окончив трапезу, Маленький уездный князь бодро вошел в гостиную. Седьмой принц уже приготовился рассыпаться в светских любезностях, но Наньчжу терпеть не мог пустых церемоний и сразу выпалил:

— Как же ты вовремя! Я как раз собирался прошвырнуться по столице, посмотреть, что тут есть любопытного.

Эти слова пришлись Седьмому принцу как нельзя кстати. Потратиться на гэера — отличная возможность продемонстрировать щедрость и размах.

Он тут же с готовностью заявил:

— Наньчжу, если тебе сегодня что-нибудь приглянется — только скажи, я всё тебе куплю!

— Ой, как-то неловко, — хмыкнул Ли Наньчжу. — Траты у меня немалые.

Седьмой принц, задетый за живое, убежденно подхватил:

— Пустяки! Заверения и безделушки мне вполне по карману.

Ли Наньчжу спорить не стал и велел Синь Сы седлать коней.

Услышав про верховую прогулку, Седьмой принц слегка нахмурился. Но, вспомнив напутствия матери-императрицы и могущественный род Ли за спиной юноши, тут же изобразил заботливую улыбку:

— Нынче ветрено и прохладно. Может, Наньчжу лучше поедет в экипаже? Верхов ты быстро устанешь.

— Вот ещё! — отрезал Маленький уездный князь. Смахнув назад украшенные нефритом косички, он совершенно нескромно добавил: — Я сегодня нарядился с такой роскошью! Если не проехать верхом пару кругов по городу, то к чему вся эта красота? Никто же не увидит моего фантастического богатства!

Есть деньги — выставляй напоказ!

И нечего лезть к нему со столичными правилами о том, что благородным гэерам не гоже показывать лицо на людях. В Чжаочжоу подобной глупости отродясь не водилось! А что до столичных устоев — какое до них дело уездному князю из Чжаочжоу?!

Разозлят Маленького князя — и больно схлопочут по физиономии!

Седьмой принц так и застыл с открытым ртом, вынужденный смотреть, как сверкающий пурпуром, золотом и алой парчой Ли Наньчжу лихо устремился к выходу.

Делать нечего — пришлось поспешать следом.

<http://bllate.org/book/19962/1990219>